

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ИНТЕГРИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВ СРЕДНЕЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

JÍŘÍ GAZDA (BRNO)

Интернационализация, под которой понимается увеличение доли лексических и словообразовательных единиц иностранного происхождения в словарном составе современных языков и повышение частотности употребления заимствований в научном, публицистическом, а отчасти также разговорном стилях, в настоящее время считается универсальной общезыковой тенденцией, проявляющейся в разной степени во всех современных литературных языках.

Настоящая статья представляет собой попытку осветить тенденцию интернационализации в современных западнославянских языках с точки зрения общих и дифференцирующих явлений, которые являются важными типологическими характеристиками данных языков, причем исследуемые процессы наблюдаются сквозь призму исторической перспективы сосуществования западнославянских языков в средневропейском пространстве.

Процесс интернационализации, как общая языковая тенденция, имеет в некоторых подсистемах отдельных языков параллельную реализацию, проявляясь, однако, в конкретных языках специфическим образом, причиной чего следует считать, с одной стороны, типологические различия между сравниваемыми языками, с другой стороны, отличающую друг от друга культурно-историческую традицию.

Между славянскими языками в средневропейском пространстве можно, например, наблюдать некоторую асимметрию при выражении определенных значений при помощи исконно славянских или интернациональных лексем. Например, традиционные польско-французские культурные связи находят свое отражение и в обоих языках, а именно в том, что в польском разговорном литературном языке часто встречается выражение с первоначально интернациональной основой там, где в качестве эквивалента в чешском и словацком языках выступает слово славянского происхождения (ср. польск. *przy tej okazji* – слов. *pri tejto príležitosti*/чеш. *při této příležitosti*, польск. *decydować*, *decyzja* – слов. *rozhodovať*, *rozhodnutie*). Существует, однако, также немало лексических единиц, подтверждающих асимметрию противоположного типа,

когда в словацком и чешском языках имеется наименование с интернациональной основой, а в польском эквивалент исконно польский (слов. *genocida* – польск. *ludobojstwo*, с. *internacionála* (*kominterna*) – п. *międzynarodówka*; с. *subjekt medzinárodného práva* – п. *podmiot prawa międzynarodowego*). (Buzzásyová 1997, 76)

Как будет показано ниже, различия в использовании интернационализмов имеются также между настолько близкими с типологической точки зрения языками, какими являются чешский и словацкий.

В процессе интернационализации словарного состава славянских языков в целом можно выделить следующие общие черты:

1) интернационализация затрагивает в наибольшей мере область языка науки, однако отдельные терминологические системы, в силу важности и активности этой сферы общения, оказывают заметное влияние на функционирование языковых средств и в других функционально-стилевых разновидностях языка;

2) отдельные национальные языки не занимают в этом процессе пассивную позицию: тенденция интернационализации активизирует национальные языки в разных аспектах, способствуя формальной и функциональной адаптации интернационализмов в их языковых системах;

3) интернационализмы (европеизмы) представляют собой не какую-то нейтральную часть лексического фонда, находящуюся вне национальных языков; они отличаются специфическими национальными чертами, присущими конкретным, и не только славянским языкам. Активное отношение национальных языков к процессу интернационализации проявляется в том, что данная тенденция, каким бы ни парадоксальным это на первый взгляд не казалось, вызывает активизацию противоположного процесса: образование слов из собственных ресурсов. Таким образом создается некоторая напряженность между обеими системами, в результате которой возникает вариантность, возможность дифференцированного использования национальных или интернациональных языковых элементов относительно стиля речи или функции высказывания (Buzzásyová 1988, 39).

По отношению к западнославянским языкам можно сформулировать три основных тезиса, отражающие в обобщенной форме главные факторы, обуславливающие сосуществование исконно славянских и интернациональных лексических единиц в языковых системах исследуемых языков и способы реализации этих параллельных систем в общественной коммуникации:

1) западнославянские языки являются относительно открытыми по отношению к заимствованию слов и словообразовательных элементов;

2) в западнославянских языках, представляющих собой языки относительно небольших наций, заметна традиция немаловажного участия специалистов-языковедов в культивировании национальных литературных языков, в распространении сознательного отношения к культуре языка и повышению уровня языкового общения, в том числе использования иноязычных слов;

3) составной частью идентичности и типологической характеристики литературных западнославянских языков являются также пропорции, в которых, как на уровне макроструктуры языковых систем, так и на уровне отдельных словообразовательных и лексикосемантических микроструктур сосуществуют национальные и интернациональные языковые средства.

Перед тем как более подробно остановиться на указанных тезисах, необходимо дать хотя бы рабочее определение самого термина «интернационализм», который часто употребляется в качестве эмпирически установленной категории без более точного определения. В настоящем исследовании будем придерживаться определения Б. Шедера (Braun – Schaedler – Volmert, 1990), выделяющего наряду с лексемой отдельного национального языка понятие «интерлексемы» на уровне второй степени абстракции. В связи с этим, например, такие лексемы, как в нем. *Zivilisation*, в англ. *civilisation*, во франц. *civilisation*, в русск. *цивилизация*, в чеш. *civilizace*, как лексемы отдельных национальных языков образуют одну т. наз. «интерлексему». Интернационализм в данном понимании определяется как межъязыковая (интерлингвальная) единица разной сложности (интерморфема, интерлексема), при помощи которой создаются соразмерные, эквивалентные в отношении формы и содержания монолингвальные единицы.

Говоря в этой связи именно о западнославянских языках, следует хотя бы кратко остановиться на тех типологических чертах польского, словацкого и чешского языков, которые важны с точки зрения выявления сходств и различий в отношении данных языков к процессам заимствования и интернационализации их словарного состава.

Общеизвестно, что среди западнославянских языков, как в отношении генетических связей, так и в типологическом плане, в силу исторических обстоятельств наиболее близкими являются **чешский и словацкий**. Однако, что касается прямого функционального контакта, то в истории обоих языков преобладали периоды, когда они в большей мере находились под влиянием языков, отличающихся от них не только в генетическом, но и в типологическом плане: чешский находился в тесном контакте с немецким, а словацкий с венгерским языком. Кроме того, в Словакии долгое время, фактически до середины 19-го века,

в качестве языка официального общения выступал латинский, что в исследуемом нами контексте является очень важной для словацкого языка характеристикой. В обоих языках заметны следы влияния средневекового немецкого языка периода колонизации, основания городов и т. д. (стилистически маркированные слова, относящиеся в настоящее время к разговорной или жаргонной лексике: чеш. *foršus* – слов. *foršus*, ч. *pucovat* – с. *pucovať*, ч. *piglovat* – с. *pigľovat'*, ч. *furt* – с. *furt*, ч. *cólštok* – с. *cólštok*, ч. *majzl* – с. *majzeľ*).

В качестве дифференцирующего фактора в словацком выступают слова венгерского происхождения (хотя в современном словацком языке их осталось уже мало), некоторые слова появились в результате контактов с румынским языком.

Особый интерес представляет собой вопрос чешско-словацких языковых контактов, характеризующийся, с одной стороны, взаимным заимствованием, а с другой стороны, стремлением к национальному, в том числе языковому самоопределению словаков по отношению к чехам и чешскому языку. Поэтому в языковой ситуации Словакии отношение к богемизмам всегда представляло большую проблему, чем к заимствованиям из других языков и интернационализмам.

Сравнивая отношение носителей обоих языков к иноязычным словам, исследователи установили, что хотя в близкородственных языках процесс интернационализации реализуется более или менее аналогично, тем не менее довольно отчетливо выделяются различия, следующие из разных культурных и общественных традиций. В Словакии не было соответствия чешскому Возрождению (конец 18 в. – 1-я половина 19 в.), которое в области языка отличалось бурной активностью лингвистов, придумывающих чешские варианты немецких заимствований; относительно редкими были также стремления к созданию новых словацких слов в период формирования словацкого литературного языка в первой половине 19 века. Развитие словарного состава словацкого языка шло скорее по пути снижения большого количества словообразовательных вариантов словацких слов. (Buzzásyová 1997, 71–72)

Словацкий лингвист Клара Бузашиова (Buzzásyová 1987), сравнивая специальную словацкую и чешскую лексику, пришла к заключению, что можно установить несколько эквивалентных типов интернациональных терминов, основанных на отношениях параллельности, симметрии и асимметрии. Наряду с явлением полной симметрии в чешском и словацком языках (чеш. *dopravnik*, *transportér* – слов. *dopravník*, *transportér*, чеш. *odolnost*, *rezistence* – слов. *odolnosť*, *rezistencia*) встречаются, например, такие типы асимметрии, как:

а) в чешском вариантность чешского и интернационального средства × в словацком только интернациональное средство (чеш. *kázeň*, *disciplina* × слов. *disciplina*, чеш. *agregát*, *soustrojí* × слов. *agregát*, чеш. *hrazení*, *mantinel* × слов. *mantinel*, чеш. *sestavný* i *sektorový nábytek* × слов. *sektorový nábytok*). Данный тип эквивалентности автор толкует как продукт отличающихся культурных традиций, считая его доказательством того, что в чешском языке более отчетливо проявляется тенденция пополнения словарного состава из собственных ресурсов, а в словацком, в свою очередь, большая готовность впитывать в свою систему слова греческо-латинского происхождения;

б) в качестве эквивалента чешского термина в словацком выступает интернационализм или иноязычное слово (чеш. *plavba olupavem* × слов. *limanovanie*; чеш. *seřizení převěsu* × слов. *justovanie prevesu*; чеш. *pojízďení* × слов. *rolovanie*). К этой категории автор относит, например, также случаи, когда немецкому заимствованию в словацком языке противостоит в чешском чешский термин, толкуя такие явления как тенденцию избежать в чешском языке использования германизма (напр., чеш. *klikatý růst* × слов. *cikcakovitý rast* – нем. *Zigzagwuchs*, англ. *zigzag growth*).

в) в обоих языках употребляются иноязычные (интернациональные) слова разного происхождения (чеш. *kolej* от лат. *kollegium* × слов. *internát*; чеш. *tramvaj* × слов. *električka*). Интересны также случаи разной мотивации некоторых чешских и словацких терминов в результате калькирования из разных языков (чеш. *míra daně* от нем. *das Steuermaß*; слов. *daňový klúč* от венг. *adókulcs*).

В некоторых случаях иноязычные слова в обоих языках отличаются стилистически (в словацком нейтральное *flaša* от нем. *die Flasche* – в чешском разговорное *flaška* /*láhev*/; в словацком разговорное *šrauba*, *příšraubovať*, в чешском нейтральное *šroub*, *příšroubovat* /слов. *skrutka*, *priskrutkovať*/ от нем. *die Schraube*).

Генетические связи между чешским и польским языками очень тесны, но, тем не менее, типологические различия между обоими языками довольно значительны. Хотя как чешский, так и польский принадлежат к флективным языкам, степень флективности выше в чешском языке, так как польский по некоторым типологическим характеристикам сближается с восточнославянскими языками.

Одной из типологически важных характеристик на лексическом уровне является способ образования новых наименований. Между тем как для флективных языков характерно образование новых слов путем деривации, в языках изолирующего типа более часто встречаются словообразовательно немотивированные слова, к разряду которых отно-

сятся также слова иноязычного происхождения. В менее флективном польском языке эти слова очень многочисленны, у них более высокий семантический и деривационный потенциал (польск. *kasa, kasiarz, kasowy, kasowość, kasjer, kasjerski, kasjerstwo* – чеш. *kasa, kasař, kasařský, kasička*; польск. *gips, gipsowy, gipsatura, gipsoryt, gipsoteka, gipsować, gipsówka* – чеш. *gyps, gypsový, gypsovka* – см. Lotko 1997, 120). В чешском языке, в свою очередь, в силу его больших деривационных возможностей, образуются развитые словообразовательные парадигмы от той же чешской словообразовательной основы. Кроме того, общность (идентичность) корневой морфемы (семемы) объединяет все лексические единицы данной парадигмы, образуя таким образом общее понятийное поле. В отличие от этого, словарный состав польского (так же, как и, например, русского) языка содержит большее количество немотивированных, мало развернутых или же немногочисленных словообразовательных парадигм, создавая тем самым большее количество понятийных областей. Поэтому можно сказать, что лексическая система польского языка более разнообразна не только с формальной точки зрения (в ней более дифференцированы словообразовательные основы), но и с точки зрения содержания (в ней имеется более широкий круг понятийных областей). Данное отличие словарных составов чешского и польского языков можно наглядно продемонстрировать, сравнив пары слов, между которыми имеется логико-понятийная связь. Эта связь в чешском (в отличие от польского или русского) выражена и формально, т. е. одной и той же лексической основой: чеш. *báseň* → *básník* × польск. *wiersz* – *poeta* (гр. *poietes*); ч. *vlast* → *vlastenec* × п. *ojczyzna* – *patriota* (гр. *patriotes*); ч. *země* → *území* × п. *ziemia* – *terytorium* (лат. *territorium*); ч. *ostrov* → *souostrovi* × п. *wyspa* – *archipelag* (archi + гр. *pélagos*); ч. *ubrus* → *ubrousek* × п. *obrus* – *serwetka* (фр. *serviette*); ч. *děšň* → *děšňík* × п. *deszcz* – *parasol* (итал. *parasole*); ч. *kolo* → *kolotoč* × п. *kolo* – *karuzela* (фр. *carrousel*); ч. *chodit* → *chodba* × п. *chodzić* – *korytarz* (лат. *curritorium*); ч. *stinit* → *stínítko* × п. *zasłaniać* – *abazur* (фр. *abat-jour*); ч. *číst* → *četba* × п. *czytać* – *lektura* (лат. *lectura*); ч. *večer* → *večeře* × п. *wieczór* – *kolacja* (лат. *collatio*) (Lotko 1997, 29).

Типологическая близость польского и русского языков по отношению к чешскому в области иноязычной лексики выявляется также, например, в грамматическом оформлении иноязычных наименований. В чешском языке, например, многие существительные принадлежат к женскому роду, между тем как их польские эквиваленты принадлежат к мужскому роду (чеш. *univerzita* – польск. *uniwersytet*, ч. *fakulta* – п. *fakultet*, ч. *banka* – п. *bank*, ч. *adresa* – п. *adres*, ч. *etapa* – п. *etap*, ч. *gotika* – п. *gotyk*, ч. *fronta* – п. *front*, ч. *freska* – п. *fresk*). Разница в роде касается

также многих формально тождественных слов, заканчивающихся на согласный. В основном это слова французского происхождения (чеш. *apanáž* /ж. р./ – польск. *apanaż* /м. р./, ч. *bandáž* – п. *bandaż*, ч. *garáž* – п. *garaż*, ч. *menáž* – п. *menaż*, ч. *montáž* – п. *montaż*, но также ч. *tramvaj* – п. *tramway*) (Kofenský 1998, 39)

Формально тождественные заимствования в чешском и польском могут отличаться также в стилистическом плане, например, польск. *grupa* (нейтральное) – чеш. *grupa* (разг. или спец.), п. *peron* (нейтр.) – ч. *peron* (разг.), п. *nonsense* (нейтр.) – ч. *nonsense* (книжн.).

С типологическими различиями между чешским и польским языками иногда связываются некоторые специфические социолингвистические характеристики носителей данных языков. Например, на чешской стороне иногда отмечается относительно сильная ксенофобия, между тем как у польских говорящих наблюдается более толерантное отношение к заимствованиям или даже своего рода речевой снобизм, проявляющийся предпочтительным использованием заимствований вместо их польских эквивалентов.

Возвращаясь к тезисам, выдвинутым в начале статьи, напомним о том, что одной из общих характеристик западнославянских языков является их относительная открытость по отношению к иноязычному влиянию. Данная характеристика более ярко выявляется в сопоставлении с другими европейскими языками. Д. Дэчи (Décsy 1973) разделяет европейские языки по степени проникновения в них интернациональных слов на т. наз. 1) смешанные (*Mischsprachen*), к которым принадлежит, например, английский (но также румынский), в которых доля заимствований достигла высокой степени, 2) нейтральные и 3) интровертные (например, финский, венгерский, новогреческий, а также немецкий), в которых доля иноязычных элементов сравнительно низка. Согласно мнению П. Брауна (Braun 1990) вся история немецкого национального языка свидетельствует о том, что процессы лексического заимствования на разных этапах рассматривались сквозь призму развития собственного национального языка. В качестве иллюстрации можно воспользоваться несколько курьезным примером из указанной публикации, иллюстрирующем желание Вейнриха, чтобы наименование *das Taxi*, употребляющееся во многих языках мира, стало употребляться и в Германии вместо нем. *das Mietauto*.

На интровертный характер венгерского языка по сравнению с другими языками оказал влияние исключительно интенсивный процесс т. наз. «обновления языка» (*nyelvújítás*), заключающийся в создании новообразований на национальной основе (*eszme* – идея, *eszmél* – реализует что-то, *elmélet* – теория, *röpirat* – памфлет) и проис-

ходивший в конце 18 – начале 19 вв. По количеству новообразований, созданных за сравнительно непродолжительное время и укрепившихся в лексической системе литературного языка, этот реформенный процесс представлял собой, по сравнению с другими языками, исключительное явление. Это можно продемонстрировать на примере «возрожденческих» новообразований в чешском, которые в своем подавляющем большинстве не вошли в словарный состав литературного чешского языка. (Buzzásyová 1997, 71)

Общей чертой языковой политики стран Центральной Европы можно считать **заботу языковедов о языковой культуре**. Не является, наверно, случайностью, что именно в Центральной Европе, где на относительно небольшой территории живет много языковых общностей, причем языковые границы не всегда совпадают с границами государств, сознательное попечение о культуре литературного языка имеет большую традицию (включая предписывающие тенденции). Это относится – в разной мере и с учетом отличий в конкретных подходах – не только к чешскому, словацкому, польскому, но также и к словенскому или венгерскому языкам (особую статью в этом контексте представляет собой литературный вариант немецкого языка Австрии, не располагающий, собственно, кодифицированной нормой). Во всех отмеченных языках воспитывается сознание национального и литературного языка как культурной ценности, являющейся составной частью национального наследия. В этом аспекте ситуация в среднеевропейских языках отличается, например, от прагматических позиций англичан или американцев (т. е. англофонных областей), воспринимающих родной язык как орудие для осуществления личных или национальных целей (к этому заключению пришел П. Гарвин, сравнивая социолингвистическую ситуацию в чешском языке и во французском языке в Кебеке на фоне английского языка североамериканцев – ср. Garvin 1995, 48–57).

Что касается **отношения к интернационализмам** в исследуемых нами языках, можно сказать, что в деятельности языковедов преобладает информирование общественности над предписывающими действиями. Также благодаря этому процесс интернационализации в среднеевропейском пространстве осуществляется органическим и естественным путем по отношению к среде, в которой славянские языки Центральной Европы существуют и развиваются. Естественным путем реализуется также процесс усвоения **иноязычных слов**, остается, однако, и много слов, которые в синхронном плане ощущаются носителями данных языков как чужие, хотя во всех языках отмечена тенденция не заимствовать иноязычные слова без отбора и без надобности. Как уже отмечалось выше, в противовес интернационализации здесь ак-

тивизируется и образование слов на основе языкового материала отдельных славянских языков. Таким образом создается упомянутая уже напряженность между обеими системами, в результате которой возникает вариантность, возможность использования или национальных, или интернациональных языковых элементов дифференцированно в отношении стиля речи или функции высказывания (слов. *incident, konflikt – hádka, spor, priek; flegmatizmus – lahostajnosť, nevšimavosť; agilný – horlivý, fanatický, prepiať*; польск. *konflikt – kolizja, spór, zatarg; incydent – wydarzenie, wypadek, zajście; spór; ekstremistyczny – krańcowy, skrajny; konsekwencja – wynik, skutek*).

В 90-е гг. в чешском и словацком языках увеличилось количество интернациональных лексем и повысилась частотность их употребления, так как в периоды коренных общественных изменений они удовлетворяют коммуникативной потребности выразить определенное содержание с большей интенсивностью (слов. *masívny, zdevastovaný, tristný, hektický, kolaborovať, deklarovať*. (Bosák 1998, 44)

В процессе интернационализации и усвоения иноязычных слов встречаются, конечно, также некоторые проблемы и напряжения, с которыми отдельные языки и языковедения справляются по-разному. С лингвистической точки зрения иногда трудно определить, удовлетворяют ли выражения двух или нескольких языков, претендующие на статус интернационализма, требованию эквивалентности как конституирующего свойства данного понятия. Одна проблемная область связана, например, с тем, что при повторном, опосредствованном английским языком заимствовании интернационализма, возникает по отношению к более раннему латинскому заимствованию проблема большей или меньшей семантической или формальной «неконтинуальности», т. е. вопрос, идет ли речь о расширении полисемии одной и той же лексической единицы или об омонимии двух разных лексем (в сущности идет речь о проблеме разграничения морфологических и лексических единиц). К. Бузашиова обозначает данное явление термином «повторная интернационализация» (Buzzásyová 1991) и иллюстрирует его на примерах таких слов словацкого языка, как, например, *moderátor* или *auditor*. Слово *moderátor* с устаревшим значением «наставник в некоторых просветительных обществах», представляет собой латинизм, восходящий к старому слою латинских заимствований в словарном составе словацкого языка. То же самое с формальной точки зрения слово, являясь продуктом повторной интернационализации, происшедшей в более поздний период развития словацкого языка, в современном словацком языке закрепилось в значении «творческий работник, ведущий радио- или телепрограмму». Подобно этому слово

auditor в устаревшем значении «присяжный заседатель или особое должностное лицо в военном суде австро-венгерской армии» представляет собой прямое заимствование из латыни; новым заимствованием, на этот раз из английского, является слово *auditor* в значении «лицо, проверяющее финансово-хозяйственную деятельность компании, учреждения».

Иная проблема «(не)эквивалентности» связана с тем, что в одном языке интернационализм является надрегиональной единицей, между тем как значение соответствующего выражения в другом языке регионально ограничено. В то же время соответствующие слова могут в разных языках отличаться по стилистическому признаку. В качестве примера можно привести интерлексему словацкого слова *advokát* (нем. *der Advokat*), которое полностью эквивалентно в словацком и в немецком языках в Австрии, между тем как в Германии это слово оценивается как устаревшее (*der Anwalt*).

Напряжение в лексической системе или в речевом общении может возникать также в случае, когда вошедший раньше в славянский язык интернационализм приобретает новое значение. Когда в недавнее время в словацком языке синонимический ряд наименований официального представления новой книги (*vernisáž, prezentácia*) пополнился словом *promócia* (от англ. *promotion*), возникло напряжение между первоначальным значением данного слова («торжественное вручение дипломов выпускникам вузов») и новым значением, заимствованным из американского варианта английского языка («рекламная кампания»). В настоящее время кажется, что возникшее напряжение устраняется самими носителями словацкого языка путем предпочтительного использования в данном значении славянского слова *krst* (*knihy, cédečka*).

С точки зрения исследования процесса интернационализации в сопоставительном плане особый интерес представляют собой проблемы системного и функционального анализа **интернациональных словообразовательных средств**, прежде всего суффиксов и вообще лексических единиц с отвлеченным значением в славянских языках с точки зрения того, каким образом они конкурируют конкретным национальным языковым средствам в отдельных западнославянских языках. Интересную работу по этой тематике провела опять К. Бузашиова, сравнивая указанные типы наименований в словацком, польском, русском и немецком языках (Buzzásyová 1988). Материалом для анализа автор избрала словацкие отвлеченные существительные трех типов:

а) отглагольные имена действия с суф. *-ovalniell-tie (-liz/ácia)*, (*popularizovanie – popularizácia, absolutizovanie – absolutizácia, štylizovanie – štylizácia, preferovanie – preferencia*), в немецком *-isierung*

(-ion) (нем. *Inszenierung* – слов. *inscenácia*, н. *Instrumentierung* – с. *inštrumentácia*; н. *Normierung, Normung* – с. *normovanie, normalizácia*, н. *Dramatisierung* – с. *dramatizácia*; н. *Isolation* – с. *izolácia*, н. *Simulation* – с. *simulácia*, н. *Transplantation* – с. *transplantácia*;

б) образованные от прилагательных существительные с отвлеченным значением признака на *-ost' (-ita)* (слов. *genialita – geniálnosť, popularita – populárnosť, autenticita – autenticnosť, plasticita – plasticnosť*) – в немецком *-ität (Urbanität)*;

в) существительные с отвлеченным значением признака или опредмеченного действия на *-stvo (-ismus)* (слов. *snobstvo – snobizmus*).

На основе проведенного анализа автор делает вывод, что, например, богатое использование системной синонимии образований с интернациональным суффиксом *-ita* и славянским суффиксом *-ost'* сближает словацкий с южнославянскими языками, противопоставляя его, в то же время, например, польскому, в котором вариантных образований с суффиксом *-ita* вообще не существует (слов. *solidarita* – польск. *solidarność*), а также с русским, от которого его отличает большая разница в продуктивности данного словообразовательного элемента (всего несколько изолированных наименований с суффиксом *-itet*: *суверенитет, нейтралитет, иммунитет*; преобладает суффикс *-ость*). Немецкий в этом отношении оказывается ближе словацкому и чешскому, чем польскому или русскому.

В случае имен действия (*nomina actionis*), языком, в котором интернационализмы в решающей мере закрепились в языковой системе (понимая под этой тенденцией возможность сочетания интернациональных основ с национальными суффиксами), оказывается немецкий язык, в котором отглагольные существительные чаще всего образуются при помощи немецкого суффикса *-ung (-isierung)*, эксплицитно выражающего процессуальность. Славянские языки больше пользуются возможностью сочетания интернациональных основ с интернациональным или славянским суффиксом (нем. *Inszenierung* – слов. *inscenácia*, н. *Instrumentierung* – с. *inštrumentácia*; н. *Normierung, Normung* – с. *normovanie, normalizácia*, н. *Dramatisierung* – с. *dramatizácia*)

В заключение напомним о том, что для славянских языков Центральной Европы вопрос интернационализации особенно важен также потому, что их инвентарь свидетельствует о несравненно большем импорте языковых единиц греческо-латинского происхождения, чем о взаимной миграции исконно славянских элементов.

ЛИТЕРАТУРА

- Bosák, J. (red.): Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Slovenský jazyk. Opole 1998.
- Braun, P. – Schaefer, B. – Volmert, J.(Ed.): Internationalismen. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie. Tübingen 1990.
- Buzzásyová, K.: Niektoré rozdiely v stupni internacionalizácie medzi češtinou a slovenčinou. In: Acta Universitatis Carolinae – Philologica 4–5, Slavica Pragensia 30. Red. V. Budovičová. Praha, Universita Karlova 1987, 77–83.
- Buzzásyová, K.: Opakovaná internacionalizácia a problém identifikácie morfológických a lexikálnych jednotiek. Jazykovedný časopis, 42, 1991, 2, 89–104.
- Buzzásyová, K.: Slovenčina ako stredoeurópsky jazyk (na okraj protikladu domáce/cudzie). In: Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy. Sociolinguistica Slovaca 3. Ed. S. Ondrejovič, Bratislava 1997, 69–78.
- Buzzásyová, K.: Špecifické črty uplatňovania internacionalizácie (v konfrontačnom aspekte). In: Konfrontačný a komparatívny výskum jazykovej a literárnej komunikácii. Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Šafarikanae. Jazykovedný sborník 8/ Literárnovedný sborník 8. Red. J. Sabol, Bratislava 1988, 39–47.
- Décsy, G.: Die linguistische Struktur Europas. Vergangenheit. Gegenwart. Zukunft. Wiesbaden 1973.
- Garvin, P.: Úloha jazykovedcú Pražské školy při rozvoji jazykové normy českého jazyka. In: Rozumět jazyku. Sborník k významnému životnímu jubileu univ. prof. PhDr. Radoslavy Brabcové, CSc. Praha, Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy 1995, s. 48–57.
- Gazda, J.: Интернационализационные тенденции в развитии словарного состава современных западнославянских языков. Opera Slavica X, 2000, 4, s. 29-37.
- Kořenský, J. (red.): Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Český jazyk. Opole 1998.
- Lotko, E.: Synchronní konfrontace češtiny a polštiny: soubor statí. Olomouc 1997.